

С.В. КОНДРАТЬЕВ

ПРАВО, КОРОЛЕВСКАЯ ВЛАСТЬ, ВЕЛИКАЯ ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ И ПРАВОВАЯ РУТИНА В ЛЕКЦИЯХ РОБЕРТА СНЕГГА (1581)¹

Автор на основе трактата, изданного Робертом Снеггом, и записей одного из студентов реконструирует содержание лекций юриста, прочитанных в 1581 г. и посвященных статье 29 Великой хартии вольностей Генриха III (1225). Юрист считал, что разрушенное нормандским завоеванием древнее совершенное английское право, определяющее границы королевской власти, было восстановлено дарованной Генрихом III хартией. Однако студент не зафиксировал эти принципиальные моменты, оставив записи разбираемых казусов и передачи земельных держаний. Это говорит о том, что в 1580-х гг. хартия и ее 29 ст. носили рамочный характер и не имели того радикального смысла, который обретут в 1630-е гг.

Ключевые слова: Роберт Снегг, право, королевская власть, Великая хартия вольностей, подданные, чтения

Рецепция Великой хартии вольностей (ВХ) в предреволюционной Англии – тема в историографии не новая. Ее основные положения сводятся преимущественно к тому, что средневековая ВХ в XVI – начале XVII в. была возрождена, но с обновлённым и даже радикальным смыслом. Доказывается это, как правило, на материалах парламентских дебатов, правовых и публицистических текстов, судебных дел, вызвавших общественный резонанс². Вопрос о практическом использовании ВХ остается периферийным. О необходимости изучать не только новые смыслы ВХ, но и возможности ее практического использования недавно высказался Дж. Гарнетт³. Изданные Дж. Бейкером лекции Роберта Снегга, законспектированные одним из членов юридического подворья, предоставляют нам такой, хотя и косвенный, материал⁴.

Английское общее право накануне Нового времени воспринималось как вечное, совершенное, нерукотворное, уходящее корнями во времена, которые не остались в человеческой памяти. Оно восходит к законам древней Трои. Их принес в Британию легендарный потомок троянцев Брут, и они, следовательно, древнее и совершеннее римского права⁵. Согласно современной историографии, средневековая установка – чем древнее, тем истиннее – рефреном была обозначена и артикулирована юристами общего права Тюдоровской эпохи⁶. Неизбежные цезуры в пра-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-011-00581 «Великая хартия вольностей в правовых трактатах, парламентских дебатах и судебной практике предреволюционной Англии».

² Thompson 1948; Baker 2017; Magna Carta 2018.

³ Garnett 2018: 51–53.

⁴ Lectura prima Magistri Roberti Snagge 1580.

⁵ Росоцк 1987: 30–32, 37, 40–41; Sommerville 2014: 84–90; Кондратьев 2015: 41–42.

⁶ Росоцк 1987: 30–55; Greenberg 2001: 6.

вовом континуитете Англии, вызванные вторжениями на остров, были, по мнению правоведов и антиквариев, недолгими, поскольку совершенство завоеванного права побуждало завоевателей к его восстановлению. После нормандского завоевания 1066 г. незапамятное общее право было якобы возрождено уже в 1101 г. коронационной присягой Генрихом I⁷.

Королевская власть – тема, постоянная обсуждаемая в юридических текстах, парламентских дебатах, а также в ходе судебных разбирательств, из которых следовало, что королевская прерогатива должна находиться в пределах, очерченных общим правом⁸.

VX, забытая в XIV и XV вв., стремительно возвращается в публичное пространство Англии в XVI в. Особенно это касается ее 29-й статьи (далее: 29 ст.) в редакции 1225 г., к которой обращаются, чтобы защитить личную свободу человека от произвольного ареста и собственности, а также обозначить пределы королевской прерогативы⁹.

Описанная типовая картина позволяет ретроспективно обозначить истоки современного видения свободы и зарождение либерализма, но совершенно не касается вопроса, использовалась ли VX и ее 29 ст. при решении рутинных и повседневных правовых проблем, которые в XVI – начале XVII в. имели или не имели отношение к верховной власти, и касались иных, чем король, субъектов права.

В 1654 г. в Лондоне был издан трактат «О древности и происхождении Суда лорд-канцлера и о власти лорд-канцлера Англии, являющейся частью чтеий сержанта Снегга о статье 28 Великой хартии вольностей, имевших место в зимнюю вакацию, в подворье Миддл-темпл, в 13 год правления королевы Елизаветы»¹⁰. Сам заголовок требует кратких пояснений. Во-первых, в нем сделан ряд опечаток. Указан 13 год, хотя событие произошло в 23 год правления Елизаветы, (1581). В предисловии автора сказано: «После того, как я провел в Миддл-темпле 20 и более лет в качестве младшего бенчера, пришло время прочесть мне

⁷ Greenberg 2001: 14, 43, 57, 65–66.

⁸ Sommerville: 96–100; Baker 2017: 144–147, 322–323; Кондратьев 2018(а): 194–195.

⁹ Baker 2017: 110, 249–250. 29 ст. VX Генриха III (1225) – это, с незначительными изменениями, хорошо известная 39 ст. VX Иоанна Безземельного (1215). Именно хартия 1225 г., признанная при Генрихе III в 1267 г. статутом (статут Мальборо), находилась в правовом обороте. Ее содержание: «Ни один свободный человек не будет арестован, или заключен в тюрьму, или лишен своего свободного владения, или вольностей, или вольных обычаев своих, не будет поставлен вне закона или изгнан, или каким-либо иным способом обездолен, и мы не пойдем на него, и не пошлем на него иначе, как по законному приговору пэров (равных ему) и по закону страны. Никому не будем продавать права и справедливости, никому не будем отказывать в них или замедлять их» (Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut disseisietur de libero tenemento suo, vel libertatibus, vel liberis consuetudinibus suis, aut utlagetur, aut exuletur, aut aliquo modo destruat, nec super eum ibimus, nec super eum mittemus, nisi per legale iudicium parium suorum, vel per legem terrae. Nulli vendemus, nulli negabimus, aut differemus justitiam, vel rectum). См.: Great Charter of Henry III (tried reissue, 11th February, 1225) // Magna Carta... 1914: 504.

¹⁰ Snagg 1654.

курс, чтобы стать подмастерьем (apprentice) общего права»¹¹. Зачисление Р. Снегга в подворье произошло в 1560 г.¹² Во-вторых, автор трактата не имел статуса сержанта. В-третьих, публикатор перепутал Роберта Снегга с его братом Томасом, который, действительно, достиг пика адвокатской карьеры и стал сержантом¹³. В-четвертых, «чтение» было посвящено не 28, а 29 ст. ВХ, в чем нетрудно убедиться по воспроизведенным в тексте пересказам и цитатам из 29 ст.¹⁴ В-пятых, часть чтений была, вероятно, в 1587 г. переработана в трактат, который был предназначен Кристоферу Хаттону, назначенному тогда на должность канцлера¹⁵.

Наконец, требуется дать краткое пояснение самому чтению. Правовое образование англичане получали в юридических подворьях, находящихся в Лондоне. Среди имевших там место образовательных практик выделялись чтения, представляющие собой циклы лекций, длящиеся от двух до трех недель, посвященные одному из статутов. В ходе чтений лектору задавались вопросы и велись прения. Делавшие карьеру юристы читали в своей жизни на французском языке два цикла таких лекций, перерыв между которыми, пишет Эд. Кок, составлял 9–10 лет¹⁶.

В той части чтений, которые были опубликованы в 1654 г. в виде отдельного произведения, Р. Снегг начинает с происхождения английского права. Он образно пишет, что проделал «путешествие» по различным книгам и судебным отчетам, но ничего не нашел «определенного» о том, откуда и когда берет «начало» право Англии. Одни утверждают, что «его из Нормандии принес Завоеватель... другие, что его из Германии доставил народ, который назывался англ... и от него наша страна получила свое имя «Англия»». Но «великий в своих познаниях судья Литтлетон¹⁷... удовлетворил» автора заверением, что ни они, ни кто-либо еще не мог принести в Англию законы, поскольку Англия имеет неповторимую практику, позволяющую вдовцу удерживать земли умершей жены (tenant by the courtesy), аналог которой, по логике обоих юристов, при правовом заимствовании сохранился бы и в местах правового импорта¹⁸. Затем Генри Брактон¹⁹ убедил Снегга в том, что общее право восходит к древним обычаям острова²⁰. Почти дословно воспро-

¹¹ Ibid: 1–2. О сержантах и подмастерьях см.: Кондратьев 2018: 80–86.

¹² Baker 2017: 251.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Snagg 1654: 11, 30–31, 81–82. Р. Снегг, как любой юрист того времени, пользовался ВХ в редакции Генриха III (1225), а не редакцией Иоанна Безземельного (1215).

¹⁵ Snagg 1654. Front Page: 1.

¹⁶ Coke 1826: XXXV.

¹⁷ Литтлетон, Томас (Littleton Thomas) (ок. 1407–1481) – английский юрист, судья суда Общих тяжб, автор знаменитого труда «О держаниях» (Tenores Novelli), который стал главным источником, регулирующим поземельные отношения.

¹⁸ Snagg 1654: 2–5.

¹⁹ Брактон, Генри (Bracton Henry) (ум. 1268) – английский юрист. Автор знаменитого труда «О законах и обычаях Англии» (De legibus at consuetudinibus Angliae), который является одним из главных источников английского общего права.

²⁰ Snagg 1654: 14–16, 30.

изводя широко известное в Англии XVI – начала XVII в. положение Брактона – «Закон создает короля; вследствие этого королю даруется закон, чтобы закон даровал ему, а именно, господство и власть; ибо там нет короля, где правит воля, но не закон»²¹, – юрист пишет, что право в Англии существовало до появления королей²². В итоге, заключает он: «Я вывожу из своего путешествия следующее заключение: наше право есть древний обычай нашей страны или нашей земли», находящийся за пределами памяти. Никто не может поведать о начале права и о том, когда страна превратилась в государство (общее благо) под управлением королей. Под воздействием «векового опыта» (by experience found in all Ages) сложилась форма правления, которая была «необходимой, подходящей и выгодной как государю, так и народу»²³.

Абсолютно в духе традиции Снегг пишет, что совершенное и самобытное («мать всего»²⁴) английское общее право было прервано нормандским завоеванием, после чего было много восстаний (insurrections) простого народа и знати, причина которых – потребность «восстановить свои древние законы и вольности». Люди показали, что они «готовы терпеть скорее боль и лишения, чем утрату своих законов и вольностей, чем проявлять покорность произвольному (will-government) правлению своих новых лордов, чем терпеть новые законы, которые принес Завоеватель, а также чем терпеть желания и прихоти королей, которые под предлогом своей прерогативы делали все и брали все, что пожелают»²⁵.

«Произвольное правление королей, возмущение знати и постоянные войны внутри королевства» продолжались, по Р. Снеггу, в отличие от его современников, не до восшествия на престол Генриха I, а до Генриха III, который на 9-м году правления (1225) «даровал под большой королевской печатью ВХ, и тем самым восстановил законы страны, вольности подданных и ограничения своих прерогатив». Однако возврат к древнему праву был недолгим, ибо король вскоре «нарушил ВХ, стал, как его предшественники, руководствоваться своеволием, отступил от права страны, которое он обещал восстановить и возродить». Последовала новая война между ним и его баронами, которая длилась 40 лет и закончилась принятием парламентом, собранным в 1267 г. в Малбридже, статута (статут Мальборо – С.К.), «ВХ была переиздана и тем самым древние законы и вольности были возрождены и восстановлены»²⁶. Иначе говоря, Снегг уточняет, что окончательное восстановление древ-

²¹ Для сравнения у Р. Снегга: “Lex autem facit Regem; attribuat igitur Rex Legi, quod Lex attribuit ei, id est, dominationem & potestatem; nam ubi dominatur voluntas, et non Lex, ibi non est Rex”. Ibid: 15, 44. У Генри Брактона: “Lex facit regem. Attribuat igitur rex legi, quod lex attribuit ei, videlicet dominationem et potestatem. Non est enim rex ubi dominatur voluntas et non lex”. Bracton 1878: 38.

²² Snagg 1654: 14–15.

²³ Ibid: 17, 18.

²⁴ “the Law of the Land, which is the Genus to all” – Ibid: 19.

²⁵ Ibid: 6–7, 18.

²⁶ Ibid: 9–10.

него и совершенного права связано не только с принятием ВХ, но сделано парламентом и произошло посредством принятия статута. «С тех пор, – продолжает он, – все короли и королевы во время коронаций торжественно присягали хранить их, и посему они свято соблюдались по сей день (хотя по забывчивости некоторых королей и небрежению их должностных лиц они (законы и вольности – *С.К.*), бывало, нарушались. Но теперь, по Божьему благословению, обильно излитому на право, оно в полной мере используется для великого утешения всех добрых подданных и бессмертной славы Ее величайшего величества»²⁷. Снегг специально подчеркивает, что окончательное восстановление и возрождение общего права произошло актом парламента. Он несколько раз отмечает, что всё, включая королевскую прерогативу, регулируется и определяется правом. «И парламент, и его акты, и прерогатива государя, и исключительные обычаи графств, городов, бургов и маноров – все они разновидности его (права – *С.К.*). Общий обычай королевства, он же – право страны, наделяет полномочиями парламент, ограничивает прерогативу, дозволяет и не дозволяет частные обычаи, а также дозволяет и не дозволяет всё, и определяет, согласуются они или нет с разумом»²⁸.

Сердцевиной (*sum*) всех положений ВХ, а значит, и всего общего права, Снегг провозглашает 29 ст. ВХ. Опираясь на положения 29 ст., он не только заявляет о незыблемости законов и вольностей страны, но также пишет о пределах, до которых только и может доходить королевская прерогатива²⁹. Снегг отмечает, что королевские прерогативы должны быть под правом, ограничиваться им и не причинять вред³⁰.

Здесь следует заметить, что дальше, в остальных частях трактата, речь о ВХ и 29 ст. не идет. 2/3 трактата посвящены полномочиям лорд-канцлера и его суду. Нельзя исключить того, что эти части были дописаны Р. Снеггом специально к назначению Кристофера Хаттона.

Но мы имеем возможность судить о содержании чтений Снегга по конспекту, оставленному безымянным студентом³¹. Весь цикл состоял из 6 лекций, в которых разбирались гипотетические судебные казусы. Первые три лекции законспектированы подробно, поэтому более информативны. Остальные три – фрагментарно. Перебираясь медленно от одной юридической формулы к другой, выясняешь, что студент, готовящийся к деятельности практикующего юриста, слушая лекцию и прения по применению 29 ст., не зафиксировал ни одного абстрактного принципа, гласящего о незыблемости вольностей и прав. Студента и, ве-

²⁷ “Fithence hath been by all kings and queens solemnly sworn at their coronations to be kept, and so hath been sacredly observed to this day (unless some forgetfulness in some kings, and ignorance in some officers, hath infringed the same). But now, by God’s blessing plentifully poured upon it, it is in full use, to the great comfort of all good subjects, and immortal fame of her most excellent majesty”. – *Ibidem*.

²⁸ *Ibid*: 19.

²⁹ *Ibid*: 11-12.

³⁰ *Ibid*: 9, 19.

³¹ *Lectura prima Magistri Roberti Snagge 1580: 256–264.*

роятно, лектора больше занимали не высокие мысли о свободе, а стремление показать нормы и практики перемещения, удержания и возвращения собственности. Темы «утрата свободы» и «лишения жизни» фиксируются предельно фрагментарно. Возможно, Снег об этом говорил, или даже на это упирал, но студент, вероятно, руководствуясь здравым смыслом, фиксировал то, в чем усматривал практическую пользу. В записях студента мы находим казуальное и повседневное право. Лектор приводит и вместе с присутствующими судьями разбирает кейсы. Судя по конспекту, главное внимание было уделено тому, что в 29 ст. называлось «disseisietur de libero tenemento» («лишен своего свободного владения»), а в лекциях именовалось, как правило, «disseisee» («лишать, захватывать, завладевать»). Под «владение» во второй половине XVI в. подпадали разные формы держания: «feoffement», «possession», «title», «deas».

1-я лекция была, как гласит конспект, посвящена уровням свободы: «кого можно называть свободным человеком во всех отношениях, а кого только в некоторых, кто свободен в отношении одних людей, но не других, кто свободен в отношении себя (lour corps), но не свободен в распоряжении своим владением (possessions)»³². В приведенном казусе, действительно, упоминается одна из форм вилланства (villeins regardant), которая обозначала несвободных, приписанных к манору. Статус виллана даже в классическое средневековье не был простым, и виллана невозможно характеризовать, как, например, раба или крепостного. «Виллан, — пишет современный исследователь, — был несвободным в отношении своего лорда, но свободным в отношении всех других». И будучи несвободным у своего лорда, мог иметь свободное держание у другого. Можно было держать землю лорда, имеющую статус вилланской, но не терять свободы. Вилланы получали вольные (manumission), а в XVI в. освобождение от вилланства стало государственной политикой³³.

Казус. В 1534 г. владелец и бенефициарий манора (cesti a que use³⁴), к которому приписан виллан, и некий Джон Стайл (John Style) за-

³² Ibid: 256.

³³ Baker 2019: 502, 504–506.

³⁴ “Cesti a que use” (cestui que use) – обозначение бенефициария, узуфруктуария («того, кто получал выгоду от другого»), получающего прибыль от передачи держания пользователю. К cestui que use прибегали, чтобы вывести держание из-под королевского фиска. По общему праву земля могла переходить от держателя (tenants-in-chief), или владельца земли (foeffor) только к наследнику. При вступлении в наследство выплачивался фэйн в казну, а в случае малолетства наследника над ней назначалась опека. Но чтобы не терять доходы владелец (foeffor) передавал ее feoffee в пользование (use), оставаясь либо сам получателем дохода с переданной земли, либо им становился его наследник. Получатель выгоды и был cestui que use. В случае смерти держателя земля не попадала прямому наследнику и оказывалась выведенной из-под королевского фиска. Корона теряла на нее права. Понятно, что здесь открывалось поле для злоупотреблений, поскольку общее право долго не признавало такой сложной формулы и просто превращало пользователя в держателя, а бенефициария (cestui que use) лишало правового статуса. Держатель, чтобы не возникало подобных коллизий, передавал землю в пользование (целевое назначение) часто не одному человеку,

ключили соглашение, что последний будет владеть манором с угодьями и выполнит в будущем определённые условия. Когда в 1536 г. был издан статут «О пользовании», Джон Стайл выразил волю, что тот, кто будет исполнять ее, должен в течение 4 лет продать манор с угодьями для уплаты его долгов. Исполнитель воли Стайла, в свою очередь, назначил исполнителя своей воли. Первый исполнитель умер. В 1538 г. второй исполнитель продал манор виллану, получил фэйн и объявил: обещание выполнено, пять лет прошло, Джон Стайл исполнил обязательство, а виллан становится полностью свободным³⁵.

В ходе прений главный интерес представлял вопрос: следует ли считать после издания статута «О пользовании» «промежуточные акты» (передачу воли от исполнителя к исполнителю – *C.K.*) ничтожными или нет? (*Si ore toutes mesne actes sont overthrown... ou nemié?*). По мнению судьи Перизэма (*Peryam*)³⁶, перемещение недвижимости регулируется актом Генриха VII от 1489 г., и соглашение может быть признано ничтожным, недвижимость возвращена в первоначальное состояние, а получивший её признан «захватчиком» (*disseisor*), если в течение 5 лет заявлена претензия (*claime*) или не выполнялись условия соглашения. Но исключается вольная виллана (*lenfranchisement*). Судья Перизэм привел, как пример, дело неких Брента и Полетта. Там держание было передано в пользование *feoffer* на срок жизни. Права на держание (*remainder*) оставались и у жены владельца. Было решено, что держатель должен платить фэйн, и прошло уже 5 лет, поэтому жена больше не связана соглашением. Аналогично, «если мой держатель перестает нести повинности, то я получаю приказ о возврате земли (*briefe de cessavit*) и возвращаю землю, ибо я больше не связан соглашением»³⁷, – сказал судья.

Таким образом, даже в этой лекции, где проблема свободы, казалось, была ясно обозначена, она осталась на периферии.

Во 2-й лекции ставился вопрос: какое изъятие свободного держания должно считаться по 29 ст. ВХ захватом (*disseisin*) и подпадает под

а группе соседей или юристов, каждый из которых перед смертью передавал ее кому-то далее. Поскольку суды общего права не разбирали такие дела, то защищать права подлинных владельцев взяли церковные суды (отлучая недобросовестных собственников от церкви) и Суд лорда-канцлера, на так называемом «праве справедливости». См.: Baker 2019: 269–272. В конце XV–начале XVI в. суды общего права и корона через законодательство стремились усовершенствовать практику пользования чужим имуществом, чтобы защитить права короны, держателей и владельцев. В итоге, в 1536 г. появился знаменитый статут «О пользовании» (*Statute of Use*), согласно которому бенефициарий после смерти держателя должен был оставаться не просто бенефициарием, но и признавался владельцем. Статут 1536 г. делал теперь пользователя (*feoffee*) просто каналом (*executing the use*) передачи держания, охраняя права наследника и фискальные права короны. См.: Baker 2019: 275–276.

³⁵ *Lectura prima Magistri Roberti Snagge* 1580: 256.

³⁶ Перизэм, Уильям (*Peryam, William*) (1534–1604) – известный юрист общего права, в 1581 г. был назначен судьей Суда общих тяжб. С 1593 по 1604 г. возглавлял палату Казначейства (*Chief baron of Exchequer*).

³⁷ *Lectura prima Magistri Roberti Snagge* 1580: 257–258.

ВХ, а какое не подпадает? Причем студент зафиксировал два казуса: один Р. Снег разобрал с утра, второй – после трапезы.

Утренний казус. Два иностранца. Один из них захватил два акра земли и передал один акр в держание (*enfeof*) другому. Король натурализовал обоих иностранцев и предоставил им право купить землю на 10 фунтов стерлингов. Тот, кто неправомерно был лишен земли, передал права на нее обоим (*le disseisee reles al ambideux*) – захватчику и держателю. Затем король пожаловал им, не обученным латыни, должность протонатария³⁸ Суда общих тяжб. Король захватил акры и должность. Но относительно одного акра, констатировала запись, это захват, а в отношении другого акра и должности – нет³⁹.

Из конспекта студента становится ясно, что в Англии существовала практика передачи недвижимости (*feoffment*) через фиктивный захват, которую якобы неправомерно лишенный ее передавал затем мнимому захватчику. Но только в отношении подданных, а не иностранцев. Конспект студента гласит, что иностранец не может обрести держание жены (*tenant per le curtesie*), так как право разрешает это подданному, но не иностранцу. Иностранец не может претендовать на вдовью часть наследства (*dower*) умершей жены. Но замужняя англичанка имеет на нее право, поэтому земля, полученная иностранцем до натурализации, переходит королю, несмотря на передачу земли неправомерно лишившимся ее. У иностранца остается только обретенное им после натурализации. Пожалование должности должно быть признано ничтожным, поскольку закон запрещает обладать ею, как и должностью судьи и епископа, лицам, не владеющим латынью. Лектор на этом заключил, что изъятие королем одного акра владения есть захват. А вот в случае с другим акром и должностью – не захват, поскольку королевское пожалование было отменено, и король, как владелец акра и должности, сохранил их. Более того, хотя сторона в результате фиктивного захвата не предпринимала никаких действий, по ВХ такая уступка все равно является захватом. Если король лишил кого-то земли, у кого нет на нее права (*title*), то по ВХ такое деяние не может считаться захватом (*disseisin*). Но если он (владелец земли – С.К.) имел на землю право (*title*), то это выглядит иначе. Хотя король и не может быть захватчиком⁴⁰.

Послеобеденный казус. Между 1483 и 1536 г. (до принятия статута «О пользовании») владелец и бенефициарий (*cesti a que use*) передал

³⁸ Протонатарий (*prothonotary*) – клерк, отвечающий в Суде общих тяжб за фиксацию судопроизводства и составление судебных документов, за рассылку приказов и приказное делопроизводство. См.: Baker 2019: 45.

³⁹ *Lectura prima Magistri Roberti Snagge 1580: 258.*

⁴⁰ “Donquest il conclude sur son [statute] que le seisir del roy in le acre le feoffor est disseisin lestatute coment que soit sans office <et per le roie> mes le seiser del lauter acre ey office est null disseisin intant que le graunt fuit void, et le title le roy bon. Mes coment que le party ousted ne puit aver action, uncore il entend son ouster un disseisin deins ceo statute. Et an le roie ousta ascun home que nad title ceo nest disseisin deins [ceo] estate. Mes sil ad title est, et uncore le roie nest disseisor”. – Ibid: 258–259.

землю мужу, жене и наследнику. Муж, согласно статуту 1541 г., передал свою часть земли в аренду (lease) на 21 год. Супруги развелись. Жена, согласно статуту 1541 г., передала свою часть земли на срок жизни. Муж умер. Жена умерла. Наследник остался несовершеннолетним. Земля перешла королю, аренда аннулировалась, держатель (tenant) лишался держания по решению Суда по делам опеки (Court of Wards). По ВХ, гласит конспект, это – не захват (disseisin). Снегг высказался по этому поводу в том духе, что аренду на годы мужа следует признать ничтожной, а аренду жены на срок жизни – имеющей силу, и если канцлер или главный барон Палаты казначейства захватят землю, не прибегая к процедурам своих судов, то это должно считаться, по ВХ, несправедливым изъятием и захватом. Но если землю изымет Суд по делам опеки, который создан для этого специальным статутом (1540), и даже если происходит ошибочное изъятие земли, то такое действие, тем не менее, допускается правом и не подпадает под ВХ⁴¹.

В 3-й лекции разбиралась формула: отказ или ущемление вольностей или обычаев есть захват вольностей и привилегий. Провозглашалось: тот, кто может совершить захват, может быть за это деяние заключен в тюрьму (quell denial ou disturbance de liberties et customes est un disseisin de libertiez et franchises, qui poient committer disseisin, et per queux ceo point ester committed).

Казус. Король, ради получения ренты, жалуется «на годы» манор на полном сокэдже, т.е. с правом творить суд и другими самыми большими привилегиями (socke et sacke appartenante cy largment come ascun auter ad enjou mesme) иностранцу. Тот, в свою очередь, натурализовавшись, исполняет обязательства, а затем сдает манор в аренду (lease) ради получения ренты «на годы» же, с правом отторжения земли в случае неплаты (reentrie pur non etc.). Затем он выплачивает фэйн за возврат земли и начинает процедуру возврата манора, используя свой же баронский, или манориальный суд. Соглашение оказывается нарушенным. Иностранец и держатель заявляют о своих правах. Издается приказ (quo warranto), требующий от одного из арендаторов (lessee) доказать свое право на аренду. Тот отказывается, ссылаясь на то, что тяжбы и подсудность держателей принадлежат королю, а не баронскому суду. Арендодатель, в свою очередь, заявляет о своих правах (вольностях, liberties – С.К.) и обращается в суд с иском (replevin). Но получает отказ. Случай подпадает под ВХ, поскольку, отмечается, имел место захват.

Относительно предложенного казуса высказались судьи Уильям Перизм, Томас Мид⁴² и Джеймс Диер⁴³. Однако в изложении студента, их пространственные дискуссии выглядят в основном, как сформулированные, но безответные вопросы. Сначала возникла небольшая дискуссия

⁴¹ Ibid: 249.

⁴² Мид, Томас (Meade, Thomas) (1510–1585) – судья Суда общих тяжб.

⁴³ Диер, Джеймс (Dyer, James) (1510–1582) – известный английский юрист. Главный судья Суда общих тяжб. Автор собрания судебных отчетов.

между Мидом и Снеггом о том, может ли вообще баронский суд рассматривать такое дело. Затем прошло обсуждение, для каких целей король превращает иностранцев или даже духовных лиц в королевских держателей (*fourmour le roie*); в ходе него, правда, прозвучало утверждение, что иностранцу держание дается, чтобы его потом натурализовать. Значительную часть времени судьи пытались выразить свою точку зрения по поводу того, какие перспективы открываются после выплаты файла, если при этом происходит отступление от условий договора, и того, может ли лицо, в чью пользу вынесено судебное решение (*conusee*), исполнять договор или получить все, что полагается по договору, до передачи недвижимости вместе с арендой (*attornment*). Однозначно и неожиданно (хотя конспект допускает любые пропуски) константно заявлено, что если иностранец-держатель манора «на годы» умирает, то к его жене, несмотря ни на что, переходят права держателя. Судья Диер добавил к этому некое рассуждение о приказе «*quo warranto*», усомнившись, что его можно использовать против арендатора. Затем стали выяснять, может ли арендодатель заявлять о своих правах (*repliven*), на что Мид ответил утвердительно, ибо в противном случае арендодатель утратит какие-то привилегии (*franchises*). Последний вопрос о том, может ли захвативший владение накладывать штраф за неиспользованную привилегию, остался, как и почти все вышеприведенные, без ответа⁴⁴.

В 4-й лекции Снегг задавался вопросом, какие категории арестов, захватов и заключений в тюрьму запрещает ВХ, а какие нет. Его интересовали и запреты относительно человека, места, времени, власти, и какие закон знает средства защиты (*remedy*) для тех, кто оказался в тюрьме.

Казус. В ассизном суде разбирается дело против А, В и С. В заявляет, что не совершал ничего незаконного. С, в свою очередь, говорит, что ему, вместе с женой и третьим лицом (*estrangle*), принадлежит держание. Ассизные судьи поддерживают неназванного истца, заявляя, что А получил держание (*lease*) на срок жизни и «нарушил условия аренды», В передал свои права истцу, нарушив договор. Все оказываются заключенными в тюрьму. А – на срок выплаты штрафа (*fine*). Заключение в тюрьму В, его жены и третьего лица – противоречит, отмечено в конспекте, ВХ. Тюремное заключение С на год и один день законно, и судьи, кроме того, могут взыскать штраф со всего его имущества.

Лектор на это сказал, что следует проводить различие между тем, кто отказывается выполнять условия держания, и тем, кто отказывается от своих прав на держание. Затем он по непонятной причине поведдал о различии между видами денежных наказаний – *amercement*, *fine* и *ransom*. Первое накладывается за невыполнение обязательств, второе – за плохое и небрежное исполнение, третье накладывается на солдат⁴⁵.

В 5-й лекции Снегг остановился на том, что в хартии именовалось «обездолен» (*destruatur*). *Казус.* Король пожаловал мэру и жителям го-

⁴⁴ *Lectura prima Magistri Roberti Snagge 1580: 260–261.*

⁴⁵ *Ibid: 262.*

родка Дейл (Dale), что отныне мэры и его преемники будут с теми же полномочиями, какие действуют в других местностях королевства, исполнять обязанности мировых и уголовных судей. Мэр утратил рассудок (*le maior devient de non sans memorie*). Король умер. Мэр обвинил безвинного Джона Стайла в тяжком преступлении (*felonie*) и повелел должностному лицу (*officer*) казнить того, что и было исполнено. Но это деяние следует считать только уничтожением одного (Стайла)⁴⁶, но не другого (мэра). Ибо, если уголовный судья в одном из графств Англии утратил рассудок и стал причиной казни, то не следует ли его на основе ВХ лишить должности, т.е. обездолжить?

Рассматривая казус, лектор вначале задался вопросом: должны ли полномочия мэра прекращаться со смертью короля или со смертью самого мэра? Снегг полагает, что не должны, поскольку в данном случае «не похоже», чтобы полномочия предоставлялись персонально, а не целой корпорации. Со смертью же короля прекращаются только персональные «особые» полномочия. Слабоумие (*imperfection de son ment*) не может лишать мэра должности или полномочий, поскольку они обладают не персональной, а корпоративной принадлежностью, а корпорация не может становиться немогущей или недееспособной, впадшей в детство или безумие (*come popage ou non compros mentis*). И поведение должностного лица, выполнившего повеление мэра и произведшего казнь, было правильным, поскольку такой приговор предусмотрен правом. Но в том случае, когда полномочия судьи заканчиваются со смертью короля, такое действие стоящего под судьей должностного лица не может считаться правильным⁴⁷.

Последняя, 6-я, лекция была посвящена суду пэров и тому, каковы по этому суду, должно быть «законное решение», «законный приговор». Для Р. Снегга «*legale iudicium parium suorum*» 29 ст. ВХ означало, так, во всяком случае, зафиксировал студент, «законное решение суда пэров» (*triall per pares*). Это существенно отличало позицию юриста от многих его современников, которые фразу «*legale iudicium parium suorum*» 29 ст. ВХ читали, как «суд равных». Практически одновременно со Р. Снеггом У. Флитвуд писал о «законном приговоре лиц одного статуса» (*lawfull judgment of men his degree*)⁴⁸.

Казус. Якобы дочери герцога Норфолка, старшая, вышедшая замуж за короля Шотландии, и младшая, вышедшая за английского пэра, замыслили измену и были по законному приговору Суда Королевской скамьи в присутствии 12 равных приговорены к смерти. Это и есть суд пэров. В объяснениях говорилось, что суд над благородными должны проводить благородные, а король Шотландии в Англии всего лишь дворянин (*gentilman*). Статус благородных жен определяется статусом мужей⁴⁹.

⁴⁶ *Ibid*: 263.

⁴⁷ *Ibidem*.

⁴⁸ *A Discourse* 2012: 55.

⁴⁹ *Lectura prima Magistri Roberti Snagge* 1580: 263-264.

Подведем итоги. Трактат, который, если верить автору, вырос из его чтений, действительно, ставит проблему права, власти и ВХ. Роберт Снегг, в отличие от многих современников, не возводит происхождение английского общего права к троянцам и мифическому Бруту, просто ограничившись констатацией его древности, превосходства и незапамятности. Совершенно в духе традиции он пишет о том, что цезуры в существовании государственности и права вызывались вторжениями и завоеваниями, которые экзистенциально подтверждали совершенство английского общего права, поскольку его перфекционизм заставлял завоевателей восстанавливать право побежденных. Но здесь Снегг вновь отходит от традиции: он считает, что возрождение древнего права произошло не в начале XII в. при Генрихе I, а полтора века спустя – при Генрих III, когда сначала была дарована ВХ (1225), а потом парламент превратил ее в статут. Снегг однозначно заявляет: в Англии нет ничего ценнее древнего, возрожденного после лишений и борьбы, правового строя, который четко очерчивает пределы власти, манифестирует и защищает 29 ст. ВХ права подданных. Вместе с тем, как видно из студенческого конспекта чтений, высокие нормативные положения трактата, либо не декларировались в ходе лекций столь очевидно, либо воспринимались, как некое, может быть, привычное заклинание, ритуальность которого не требует дополнительной фиксации и не вызывает полемики. Это говорит о том, что ВХ и 29 ст. носили рамочный характер. К рамке привыкли, и студент фиксировал те нормы, практики, процедуры, которые, в отличие от рамки, будут востребованы повседневно в реальной адвокатской жизни.

Иначе говоря, в последней четверти XVI века ВХ и ее знаменитая 29 ст. не получили еще тот радикальный смысл, который обретут в последнее предреволюционное десятилетие. Люди двух разных поколений, которых отделяло друг от друга 50 лет, читали текст 29 ст. ВХ по-разному, и обозначить их реперные смыслы можно только в контексте не сопоставляемых по времени политических событий и разной политической риторики. В 1580-х гг. ВХ, вероятно, двигалась от периферии к ядру правового сознания, обретала новые референции, чтобы стать одной из центральных риторических фигур в конце 1620-х – 1630-е гг.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кондратьев С.В. Антикваризм и юнионизм Джорджа Салтерна // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 8. С. 39–50 [Kondratiev S.V. Antikvarizm i yunionizm Dzhordzha Salterna // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2015. T. 14. № 8. S. 39–50].
- Кондратьев С.В. Все могут короли, все могут короли?...» (Королевская власть и свобода подданных в парламентских дебатах и судебных тяжбах предреволюционной Англии). Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2018(a) [Kondratiev S.V. Vse mogut koroli, vse mogut koroli?...» (Korolevskaya vlast i svoboda poddannyh v parlamentskih debatah i sudebnyh tyazhbah predevolyucionnoj Anglii). Tyumen: Izdatelstvo Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, 2018 (a)].
- Кондратьев С.В. Сержанты и подмастерья права в предреволюционной Англии // Вестник Томского гос. ун-та. История. 2018(b). № 55. С. 80–86 [Kondratiev S.V. Serzhanty i

- podmaster'ya prava v predrevolyucionnoj Anglii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2018(b). № 55. S. 80–86].
- A Discourse upon the Commission of Bridewell // Oxford Francis Bacon. Vol. I: Early Writings 1584–96 /Ed. A. Stewart. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 51–60.
- Baker J. Reinvention of Magna Carta 1216–1616. Cambridge: C.U.P., 2017.
- Baker J. Introduction to English Legal History. Oxford: Oxford University Press, 2019.
- Bracton H. De Legibus Et Consuetudinibus Angliæ / Ed. by T. Twiss. Cambridge: C.U.P., 1878.
- Coke E. Reports / Ed. by J.H. Thomas. L.: Joseph Butterworth and son, 1826. Vol. II., Pt. 3.
- Great Charter of Henry III (tried reissue, 11th February, 1225) // Magna Carta. Commentary of Great Charter of King John. Glasgow, 1914. pp. 497–508.
- Garnett G. Sir Edward Coke's resurrection of Magna Carta // Magna Carta: History, Context and Influence / Ed. by L. Goldman. L.: University of London, School of Advanced Studies, Institute of Historical Research, 2018.
- Greenberg J. Radical Face of the Ancient Constitution: St Edward's 'Laws' in Early Modern Political Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Lectura prima Magistri Roberti Snagge in quadragesima incepta 14 die Februarii 1580 anno 23 Eliz. sur lestatute de Magna Carta ca. 29, Nullus liber homo etc. // Selected Readings and Commentaries on Magna Carta 1400–1604 / ed. J. Baker. L.: Selden Society, 2015. Vol. 132. P. 256–264.
- Pocock G. A. Ancient Constitution and Feudal Law. A Study of English Historical Thought in the Seventeenth Century. A Reissue with a Retrospect. Cambridge: C.U.P., 1987.
- Snagg R. Antiquity & original of Court of Chancery and Authority of Lord chancellor of England being a branch of Serjeant Snagg's reading, upon the 28 chapter of Magna Charta, at the Middle Temple, in Lent, 13 Eliz. with his congratulatory epistle, (by way of preface) to the Lord Chancellor Hatton, in 29 Eliz. London: Printed for Henry Seile over against Saint Dunstons Church in Fleetstreet, 1654.
- Sommerville J.P. Royalists and Patriots, Politics and Ideology in England, 1603-1640. London: Routledge, 2014.
- Thompson, F. Magna Carta: Its Role in Making of the English constitution 1300–1629. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1948.

Кондратьев Сергей Витальевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра новой истории и мировой политики, Тюменский государственный университет; skondratiev@utmn.ru

Law, royal power, Magna Carta and legal routine in the reading of Robert Snagg (1581)

The article describes the reading of the lawyer Robert Snagg, delivered in 1581 and devoted to chapter 29 of the Magna Carta of Henry III (1225). The content of reading is reconstructed on the basis of the treatise published later by the lawyer and records of one of students. It shows that the lawyer believed that the ancient perfect English law, defining the limits of Royal power, had been destroyed by the Norman Conquest and restored by the Magna Carta granted by Henry III. But the student had not fixed these fundamental moments, leaving records with the analyzed cases and records of transfer of land possessions. This says that in the 1580s the Magna Carta and its chapter 29 were of a framework nature and did not have the radical meaning that they would acquire in the 1630s.

Keywords: Robert Snagg, law, royal power, Magna Carta, subjects, readings

Sergey Kondratiev, Dr. Sc. (History), Professor at Department of Modern History and World Policy, Tyumen State University; skondratiev@utmn.ru